

У стен Херсонеса: русская философия и Крым

«Где закололся Митридат»: Крым и война в жизни Константина Леонтьева

Крым всегда привлекал русских философов, писателей и поэтов. Уникальные природные ландшафты, историческая память, связанная с крестильной купелью равноапостольного князя Владимира в древнем Херсонесе. Купелью, соединившей в себе мир античности с его философской наукой, мир христианской культуры, в которой воплощенный Логос становится философией жизненного спасения, и русскую историю, в которой Крым был передовым бастионом, а не раз и театром ожесточенных военных действий. Всё это делало Крым совершенно особой для русской философии землей, метафизическим ландшафтом, к которому обращались философы в поисках ответа на свои вопрошания о судьбах России.

Крымская кампания 1853–1856 годов, поводом которой был конфликт вокруг святых мест в Палестине, рекрутировала двух молодых литераторов – недоучившегося студента Казанского университета юнкера Льва Толстого и раньше срока окончившего курс медицины в Московском университете военного медика Константина Леонтьева. Толстой напишет уникальное свидетельство непосредственного участника обороны Севастополя «Севастопольские рассказы». Константин Леонтьев, освоив профессию военного лекаря, напишет большой очерк «Сдача Керчи в 55-м году» [6, т. 6, с. 621–695]. Окончив университет досрочно, Леонтьев сам попросился на Крымскую кампанию врачом, получив назначение в Керчь-Еникальский военный госпиталь. «Я ужасно боялся, – писал он, – что при моей жизни не будет никакой большой и тяжелой войны. И на мое счастье, пришлось увидеть разом и то и другое совместно – и Крым, и войну» [6, т. 6, с. 626]. По заключении мира он задержался в Феодосии, где составлял записку «Об учебнице естествоведения в Крыму», направленную в 1859 году на имя министра народного просвещения Е.П. Ковалевского. Министр собирался переслать проект другому министру – государственных имуществ – М.Н. Муравьеву и даже составил записку следующего содержания: «Лекарь Леонтьев прислал рукопись под заглавием “Об учебнице естествоведения в Крыму”; в сочинении этом автор излагает мнение, что необходимо было бы учредить в России заведение подобное Парижскому Jardin des Plantes и Лондонскому Зоологическому Саду, описывает местность южного берега Крыма, на которой находится Императорский Никитский Сад, как удовлетворяющую требованиям такого рода учреждения, рассматривая местные данные для естествоведения в Крыму» [6, т. 7, кн. 2, с. 945]. Однако проект письма не был отправлен с характерной

Козырев Алексей Павлович, кандидат философских наук, заместитель декана философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова по научной работе, доцент кафедры истории русской философии. E-mail: a.kozyrev@bk.ru

резолуцией самого же министра «Почему же это принадлежит Министерству Имуществ? Только Никитский сад может состоять в его ведении, а приведение в исполнение мысли Автора есть дело Министерства Просвещения». Дело заглохло, а рукопись Леонтьева легла в папки государственного архива.

Однако память об этом проекте была значима для самого Леонтьева. Много лет спустя он вспоминал о нем в своей автобиографии (он пишет о себе в третьем лице), составленной по запросу Вс.С. Соловьева в начале 1870-х: «Ещё в 59-м году или 60-м, будучи врачом в Нижегородской губернии, Леонтьев представил в Министерство Народного Просвещения большой и многолетний труд свой *“Записку об основании особой учебницы естествоведения на Южном берегу Крыма, в Казенном ботаническом Саду, называемом Никитским”*. Задача была та, что нигде почти в мире нельзя найти таких удобств для живого и наглядного изучения природы, как на Южном берегу Крыма (море, горы, дикие леса и близость степи в Крыму же, сады, тепличная флора, богатая воздушная, альпийская на высотах; обилие перелетных птиц и рыбы; возможность содержать лучше, чем в столицах, животных самого противоположного климата, ибо на горе – наверху холодно, а у моря жарко; садки для морских животных и т.д.; необыкновенное обилие этнографических и антропологических данных, черепа, могилы и т.д. Сверх того обращено было внимание и на нравственно-религиозное влияние тихой и здоровой местности на учащих, *будущих профессоров*; отсутствие столичной злобы, нужды и пустоты). Тогдашний Министр Ковалевский прислал Леонтьеву официальную благодарность за этот труд (начатый еще в Крыму, во время войны и после мира); и потом сдали в Архив, как вещь для России слишком смелую и широкую. *Ведь за границей этого нет, все подобное около столиц, то и мы львов и тигров должны морить в Москве*»¹.

Леонтьев любил Крым, признавался, что был там счастлив, и как медик отмечал разнообразие этнографических элементов, которые составляют его ландшафт. Для доказательства этого он обращался к исследованию археологических останков, в особенности черепов. Леонтьев писал: «Здесь, на Крымской почве, самая верная всегдашняя помощница истории – археология является перед мыслью в сочетании с богатствами этнографического черепословия, которое уже твердо легло в число естественных наук, долженствующих стать *подножием истории*, как сказал Грановский. Крым, взятый отдельно от остальной Новороссии, уже достаточно богат живыми народностями с целыми обычаями и физиогномиями. Крым <...> наполнен гробницами и останками зданий разных эпох: дорические крипты в скалах около Херсонеса, Милетский или Скифский курган в степи, около Керчи и Феодосии; следы циклопических, быть может – Таврских построек; развалины готфского Мангупа, где при Магомете II был убит последний готфский Герцог; татарские кладбища из разбросанных камней и столбиков с чалмами; караимский широкий, стоячий камень с выдолбленными наверху чашечками для дождевой воды; развалины армянских храмов, гонуэзских крепостей; греческие приземистые каменные Кресты и знакомые деревянные около немногих русских деревень!.. Какое поле для этнографической Краиоскопии и обратного влияния на познания об архитектуре черепа! А соседство Кавказа? А центральное положение Крыма относительно Украины, Кавказа, Малой Азии, Греции, Турции, Молдавии и Венгрии?» [6, т. 7, кн. 2, с. 318].

Уже в этом раннем тексте, принадлежащем перу будущего консерватора, явно прослеживаются нотки знаменитого леонтьевского эстетизма, «эстетики жизни», столь важной для всей его последующей историософии. Так, наряду с широкими познаниями об истории и природе Крыма, он думает о том, какая

¹ Для биографии К.Н. Леонтьева [Из письма К.Н. Леонтьева Вс.С. Соловьеву от 15.01.1877, Москва] // Российский государственный исторический архив. Ф. 1120. Оп. 1. Д. 98. Л. 54об.–55.

дидактическая польза из этого может быть извлечена для будущих студентов задумываемой им школы: «Чрезвычайно важны, между прочим, *мимоходные впечатления*; ими воспитывается не только ум учащегося, но отчасти и его будущая нравственность. Ум (тем более молодой) не всегда одинаково расположен к напряжению методического мышления, и разнообразие живых явлений, находящихся постоянно перед глазами, одно способно поддерживать в нем ежедневно бодрую и легкую деятельность. Пусть среди жизни, прогулок, беседы, за обедом поминутно пробуждаются в душе молодого наблюдателя образы и идеи избранного им занятия; – тогда готовы мы надеяться на ревностное и *самобытное* служение истине» [6, т. 7, кн. 2, с. 287].

Подробнейшим образом Леонтьев описывает флору и фауну Крыма, замечая, что «все это видел нечаянно, не искал ничего». И далее заключает: «Общее впечатление Крымской жизни в высшей степени научно и художественно! Часто приходила мне мысль о том, как бы беспечно и весело работал бы здесь молодой человек, полюбивший природу» [6, т. 7, кн. 2, с. 306]. Из Крыма Леонтьев, по сообщению в письме матери Ф.П. Леонтьевой от 13 сентября 1857 года, привез «Южно-бережский гербарий и маленькую коллекцию Крымских черепов» [6, т. 7, кн. 2, с. 943]. После службы в качестве домашнего врача в поместье барона Розена в Арзамасском уезде Нижегородской губернии Леонтьев в 1861 году снова возвратился в Крым, в Феодосию, где женился на Елизавете Павловне Политовой, крымской гречанке, дочери греческого торговца. Однако брак оказался несчастливым, жена хотя и надолго пережила мужа, но вскоре после свадьбы заболела психически, впала в детство. Леонтьев оставил ее на попечении своей двоюродной сестры и отправился на дипломатическую службу на Балканы, брак оставался бездетным.

Хотя план Леонтьева и не был реализован, показателен ряд исторических совпадений. В 1879 году директором Никитского ботанического сада, созданного по указу императора Александра I в 1811 году, был назначен Н.Я. Данилевский, биолог и критик дарвинизма, чья публицистическая книга «Россия и Европа» (1869, 1871) стала манифестом позднего славянофильства и своего рода пионером теории культурно-исторических типов, вторым выразителем которой в русской философии после Данилевского стал К.Н. Леонтьев. Данилевский пробыл директором Никитского ботанического сада недолго, менее одного года.

«Среди горьких трав, близ гексаметров моря...»¹

Бердяев гостил в Крыму, в Судаче, осенью 1909 и 1910 годов. Помимо волошинского Коктебеля одним из центров интеллектуального притяжения Крыма был дом сестер Аделаиды и Евгении Казимировны Лубны-Герцык, которые родились и получили гимназическое образование в Крыму, в Феодосии, и приезжали в Крым из Москвы на летний сезон. Дед их, Антон Казимирович Лубны-Герцык, был защитником Севастополя в 1854–1855 годах, отец, Казимир Антонович, инженер путей сообщения, переехал в Севастополь и купил дом в Судаче. Аделаида была яркой поэтессой и писательницей, замужем за Д.Е. Жуковским, земским деятелем и меценатом, издателем «Проблем идеализма», «Вопросов жизни» и множества другой философской литературы начала XX века. Евгения же мистически влюблялась в Вячеслава Иванова, непростая дружба связывала ее с Бердяевым и Булгаковым. Их двоюродная сестра вышла замуж за И.А. Ильина, и чета Ильиных была постоянными гостями у Герцык. Вяч. Иванов, М.А. Волошин, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Л.И. Шестов, В.Ф. Эрн – их судьбы тесно переплетены с сестрами Герцык. Бердяев называл Евгению Герцык своим

¹ Из письма Аделаиды Герцык Максимилиану Волошину, май 1910 г.

любимым другом и писал о ней в «Самопознании»: «Для меня имела значение дружба с Евгенией Казимировной Герцык, которую я считаю одной из самых замечательных женщин начала XX века, утонченно культурной, проникнутой веяниями ренессансной эпохи. Ее связывала также дружба с Вяч. Ивановым. <...> Мои долгие интимные беседы с Е.Г. вспоминаются как очень характерное явление той эпохи. Русский ренессанс, по существу романтический, отразился в одаренной женской душе» [1, с. 153]. 2 сентября 1909 года, «веховского» года, Бердяев впервые приехал в Судак и прогостил там неделю. Подробный отчет об этом пребывании мы находим в письме Е. Герцык к своей подруге издательнице Вере Гриневиц: «В один мучительный ночной разговор Бердяев сказал, что он сознает, что единственный значительный соперник вере в Бога – не человеко-божество или демонизм, или критическая мысль – а только доброта, жалость, жажда по-человечески подойти к людям... И он прав: нужна пустыня в душе. <...> Сегодня ночью он уехал, проведя целую неделю, причем все время вдвоем: днем, ночью, почти не расставаясь, не умолкая.

Такая интимность и свобода могли привести или к опасной близости, или к скуке, истощению интереса у него, считающего всех, даже Вячеслава, повторяющимися и скучными... Не случилось ни того, ни другого, было по-новому – оба были суровы друг к другу, почти враждебны, без той московской нежности и радостно возникавшей близости, была горечь, трагизм, но ничего поддельного. Когда я с первых же дней увидела темную бурю в нем, узнала, до каких болезненных состояний доходил он летом (причина – отчасти пол, но безобъективный) и как это его ожесточило, я прежде всего разрушила тон, установившийся между нами и неверный для него теперь, и вообще вычеркнула “дружбу”, чтоб у него не было чувства, что говорившиеся им слова “обязывают” его. Я ему сказала – и вполне искренно, – что в той атмосфере, в которой и он, и я живем, вяннут все романтические и нежные отношения – наша дружба, что только страсти и Эроса не может спалить вера, которая все выжигает. И установились отношения, в которых мы друг для друга не существовали, хотя я и заставляла его быть откровенным и сурово судила его, а он осуждал меня за многое. И после одной ночи, в которую в нем совершился перелом, освободивший его от кошмара целых месяцев, новую ценность мы почувствовали друг в друге.

Он уж весь – благоговение, уважение, как к монахине, но без тени влюбленности, без близости – мы руки друг друга не коснулись! Я люблю его очень, его огромный ум, его волю к Богу и даже его хаос, но, правда, как-то не для себя. Но эта драма была скрытая и почти без слов, а внешне он всегда оживлен, горячо говорит, смеется – и темы, разговоры лились без конца. Я не знаю никого умнее, трезвее и свободнее его – и странно нам обоим, как необычайно мы гармонизируем друг с другом, несмотря на кажущуюся несхожесть. И так мы расстались – без нежности, без обещаний, но он, глубоко взволнованный и изменившийся. Думаю, что мы еще нужны друг другу: он мне “выпрямляет” мысль – я же действую хотя и трагически, но освобождаяще на его эмоциональную жизнь» [10, с. 514–525].

Евгению, оставившую о друзьях-философах и литераторах бесценные воспоминания, объединял с Бердяевым интерес к немецкой мистике, она сама переводила Генриха Сузо. Ungrund, «Бездна» Якова Бёме, столь близкая Бердяеву как источник безосновной свободы, связывается в ее воспоминаниях с ночными кошмарами философа, пережитыми в ее судакском доме. «Помню, когда он бывал у нас в Судакке, не раз среди ночи с другого конца дома доносился крик, от которого мне жутко становилось. Утром, смущенный, он рассказывал мне, что среди сна испытывал нечто такое, как если бы клубок змей или гигантский паук спускался на него сверху: вот-вот задушит, втянет его в себя. Может быть, отсюда же, от этого трепета над какой-то бездной и нервный тик, искажавший его

лицо, судорожные движения руки. С этим же связаны и разные мелкие и смешные странности Бердяева – например, отвращение, почти боязнь всего мягкого, нежного, охватывающего: мягкой постели, кресла, в котором тонешь... Но эта темная, всегда им чувствуемая как угроза стихия ночи, мировой ночи, не только ужасала, но влекла его» [5, с. 166]. Жизнь не раз сведет еще Евгению Герцык с бездетной четой Бердяевых – на прогулках в Риме, в Москве или в Барвихе. В 1915 году, приехав в Москву, Бердяев сломал ногу и два месяца пролежал в квартире Аделаиды Герцык в Армянском переулке¹. А в 1922 году, перед высылкой Бердяева и его семьи за границу, Евгения Герцык некоторое время сама гостила в московской квартире Бердяевых в Большом Власьевском переулке и на даче в Барвихе. Это был ее первый выезд из Крыма после революции, как будто специально устроенный для того, чтобы проводить друзей в изгнание.

Знал судакский дом сестер Герцык и Ивана Ильина, который вместе с женой заехал в Судак, когда возвращался в Россию из Германии через Италию морем после начала Первой мировой войны. Жена Ильина, Наталья Николаевна Вокач, была двоюродной сестрой сестер, однако отношение к затворническому стилю жизни Ильина, его моральному ригоризму и патологической склонности к осуждению окружающих, мыслящих и живущих хоть сколько-нибудь иначе, у сестер, сблизившихся с такими мыслителями-художниками, как Волошин и Вяч. Иванов, было далеко не благожелательным. Так, во время пребывания четы Ильиных в Судак, в августе 1914 года, Аделаида пишет Вере Гриневиц: «Я чувствую, что надо раз навсегда формулировать коренную разницу в их и нашем религиозном сознании и этим пресечь самую возможность осуждения наших друзей и единомышленников. Впрочем, говорить много об отвлеченном не приходится: во-первых, он очень жалок и угнетен – его рукопись Гегеля пропала, затем он ждет призыва на войну (уже одного знакомого приват-доцента взяли) и физически весь издерган. Главное же – война затопила все, и нет других жгучих тем. С половины дня, когда приходят газеты, до ночи нет других разговоров. Читаем вместе и врозь, волнуемся. И под конец я, лежа, дочитываю и неизменно плачу над рассказами раненых, над проявлениями героизма, над всем ужасом совершающегося. Иногда кажется, что душа начинает истекать кровью всех этих бесконечных жертв, хочется крикнуть: довольно ужасов, крови, убийств и страданий! Уже искуплена прежняя тьма, уже очищен дух! Кажется, что еще немного – и нельзя будет жить дальше. А временами такое чувство, будто прорезают этот ужас молнийные светящиеся, идущие от самого начала мира, и что-то, что теперь происходит, мы уже давно пережили в духе, и теперь только объективация вовне тех внутренних мистерий, на которых сгорела наша душа» [10, с. 137].

Общность многих тем и душевных переживаний Бердяева и Евгении Герцык приоткрывается и из нескольких пронзительных писем, отправленных сначала в Берлин, а потом и в Париж, с 1923 по 1927 год. До Судака доходили бердяевские публикации, его «Новое средневековье», первые книжки религиозно-философского журнала «Путь». Спасение и творчество, Христос и дело Христово в Церкви и вне ее стен, смерть сестры и размышления о времени и вечности, посещение лесного монастыря в крымских горах и пешие хождения в весенний благоухающий лес, мистериальная соборность Китежа как прообраз будущей церкви и отзвуки бердяевских и розановских идей в положениях «живоцерковников», Маритен и Кайзерлинг, время у Баадера, «общее дело» Федорова и конкретная задача человека, которая должна быть реализована в истории, – всё это отзвуки интенсивной духовной жизни, эпохи Ренессанса, которым суждено было постепенно затихать.

¹ Из письма А.К. Герцык М.А. Волошину от 8 (21) мая 1915 г.: «Не помню, писала ли я Вам, что Бердяев сломал ногу и 2 месяца пролежал в Москве у меня. Это было бесконечно суетное и многолюдное время. Каждый день его навещали мистики, православные, поэты, философы, и просто дамы и друзья» [10, с. 159].

«Я прошу положить мне в гроб горсть родной земли...»

С Крымом связана значительная часть жизни и творческого пути священника Сергия Булгакова, прошедшего впечатляющий путь от «легального марксиста», специалиста по аграрному вопросу, на книгу которого ссылался Ленин, до профессора догматического богословия в Парижском Свято-Сергиевском институте, основавшего «парижскую школу» в русском богословии¹. В 1898 году Булгаков, только окончивший Московский университет по юридическому факультету, венчается с Еленой Ивановной Токмаковой, дочерью крымского купца, чае- и кофепромышленника Ивана Федоровича Токмакова. И.Ф. Токмаков переехал в Крым из забайкальской Кяхты по совету врачей, чтобы сменить климат и излечиться от туберкулеза, и построил в Олеизе настоящий сибирский дом. Он был искренне верующим человеком, настоящим православным предпринимателем, и после его смерти в 1909 году Булгаков посвятил своему тестю очерк «Религиозная личность и народный идеал», вошедший в сборник «Два града. О природе общественных идеалов». В юности супруга Булгакова имела народнические убеждения, а ее сестра М.И. Водовозова, которая была замужем за марксистом Н.В. Водовозовым, издавала книги легальных марксистов. В ее издательстве вышла не только книга С.Н. Булгакова «О рынках при капиталистическом производстве», но и книга В.И. Ленина «Развитие капитализма в России». Сестры Токмаковы общались с революционерами. Так, в 1894 году в доме Токмаковых жил Л.Б. Красин и там был арестован. Поэтому дом находился под надзором полиции. Начало XX века принесло новые идеалы: не отказавшись от идеи переустройства общества, пусть даже революционного, часть интеллигенции отходит от марксизма и ищет новые ценности в философском идеализме, утверждающем безусловную ценность человеческой личности и ее духовную природу вопреки материализму, прогрессизму и эвдемонизму. Это движение к идеализму не было бегством от общественной проблематики, напротив, круг мыслителей, объединенный затем сборником «Вехи», искал в «воинствующем идеализме» новую программу общественных преобразований, основанных на вере в непоколебимую силу верных общественных идеалов как своего рода маяков истории. Это общественное движение может быть обозначено названием сборника С.Н. Булгакова 1902 года «От марксизма к идеализму».

В Крым Булгаковы приезжали каждое лето, сначала из Киева, где Сергей Николаевич стал профессором Политехнического института, а затем из Москвы. В Олеизе пришлось пережить им общее семейное горе, которое стало знаковым событием на жизненном пути Булгакова. Именно оно воссоединило его, ушедшего в леворадикальный лагерь сына священника, с Православной Церковью и верой. 27 июля 1909 года, «веховского года», в Олеизе от дизентерии и ослабления сердца после долгих и мучительных страданий скончался средний сын Булгаковых Ивашек, 3 лет и 7 месяцев от роду. Эту смерть Булгаков воспримет как религиозное откровение. В 1917 году он включит в свою главную книгу, написанную им в российский период, «Свет Невечерний. Созерцания и умозрения» страницы из «интимного дневника». Вот как описывает он похороны Ивашека на Кореизском кладбище: «О, мой светлый, мой белый мальчик! Когда несли мы тебя на крутую гору, и затем по знойной и пыльной дороге, вдруг свернули в тенистый парк, словно вошли в райский сад; за неожиданным поворотом сразу глянула на нас своими цветными стеклами ждавшая тебя, как ты прекрасная, церковь. Я не знал ее раньше, и, как чудесное видение, предстала она,

¹ См. обстоятельную публикацию доцента РГГУ С.М. Половинкина «Священник Сергей Булгаков и Крым» [8]. Позволю себе опереться на фактологический ряд, блестяще выстроенный автором, извиняя себя тем, что и он опирается на ряд документов, относящихся к крымскому периоду отца Сергия, опубликованных мною впервые.

утонувшая в саду под сенью старого замка. Мать твоя упала с криком: “Небо раскрылось!”. Она думала, что умирает и видит небо... И небо было раскрыто, в нем совершался наш апокалипсис. Я чувствовал, видел почти восхождение твое. Обступили тебя олеандры, розовые и белые, как райские цветы, только того и ждавшие, чтобы склониться над тобой, стать на страже у твоего гроба... Так вот что! Все становилось понятно, вся мука и зной растворились, исчезли в небесной голубизне этой церкви. Мы думали, что только там, внизу, в зное происходят события, и не знали, что есть эта высь, а оказывается – здесь ждали... И глубоко внизу, вдали остались зной, муки, стенания, смерть, – на самом же деле не это было, потому что есть то, и теперь раскрыто...» [2, с. 18]. Высланный из Крыма в 1922 году, Булгаков увозит с собой горсть крымской земли. Он мечтал быть похороненным рядом со своим сыном и писал в завещании: «У меня нет никакого пожелания относительно места погребения, после изгнания из родины, где я преждевременно избрал себе место около могилы сына на Кореизском кладбище... Однако я прошу положить мне в гроб горсть родной земли, зашитой в ладанку и взятой с могилы моего сына, соединив ее с горстью св. земли из Гефсимании, заключенной в мешочке над моими иконами (св. землю эту, оставшуюся, можно раздать желающим)» [3, с. 419].

С Крымом тесно связаны и первые пореволюционные годы отца Сергия, принявшего сан священника по благословению Патриарха Тихона в Духов день 11 июня 1918 года в Москве. Булгаков в это время являлся членом Поместного собора Русской Православной Церкви, именно он по поручению Патриарха написал первое его послание о вступлении на Патриарший престол. Получив месячный отпуск от патриарха, 25 июня 1918 года Булгаков с сыном Федором выехал в Крым, где в то время находилась его семья. Чтобы попасть туда, ему пришлось пересечь зону немецкой оккупации под Курском. Пробыв месяц в Крыму, он попытался вернуться в Москву через Киев, но был вынужден возвратиться в Крым, который попеременно переходил из рук в руки – от белых к красным и наоборот. С конца июня 1919 года по ноябрь 1920-го Крым находился под властью генерала П.Н. Врангеля. Булгаков участвует в днях покаяния 12–14 сентября 1919 года, выступает на Таврическом епархиальном съезде о миссионерской деятельности, делает доклады в Таврическом религиозно-философском обществе под председательством епископа Севастопольского Вениамина (Федченкова) – «Духовные корни большевизма», «О святых мощах (по поводу их поругания)», «Памяти В.В. Розанова». 16 октября Булгаков был избран профессором Таврического университета по кафедре политической экономии, по которой он и защищал свою докторскую диссертацию «Философия хозяйства» в Москве. По воскресеньям он служил и читал проповеди в Константино-Еленинской церкви, старейшем храме Симферополя. После занятия Крыма большевиками в ноябре 1920 года Булгаков был изгнан из университета. Он возвращается в Олеиз, служит в Гасприйском и Кореизском храмах. В августе 1921 года отец Сергей получает предложение занять место священника в Ялтинском Александро-Невском соборе, построенном в память о трагической кончине императора Александра II его сыном Александром III и освященном при Николае II в 1902 году.

Крым оказывается исключительно творческим периодом в жизни отца Сергия. В Крыму написаны или окончены две большие философские книги – «Философия имени» и «Трагедия философии». Первая книга писалась как исследование проблемы церковного почитания Имени Божия (имяславие) для Комиссии Всероссийского церковного собора, которая должна была подготовить материалы для вынесения решения по афонской расправе имяславцев и имяборцев и синодальному осуждению имяславия в 1913 году. Вторая свидетельствует о напряженном искании философом моста между философией и богословием, который видится Булгакову в «философии Троичности», основан-

ной на преодолении «ересей» рационалистической философии, выбирающей какое-то одно абстрактное начало – природу, личность или бытие. В Крыму в 1921 году написаны статьи «Мужское и женское в Божестве» (январь) и «Мужское и женское» (ноябрь; характерна подпись Jaltica, которая знаменует период служения в Ялтинском соборе), которые я обнаружил в архиве философа в Париже и опубликовал в 2003 году [4, с. 343–395]. В Крыму написан историософский диалог «У стен Херсониса», который стал продолжением диалога «На пиру богов», вошедшего в сборник «Из глубины» (1918), но имеющего совершенно иной акцент. Размышляя о цивилизационном выборе России, Булгаков начинает думать, что выбор восточного христианства, совершенный князем Владимиром в купели Херсонеса, был роковым для Руси. Булгаков переживает то, что впоследствии назовет «католическим соблазном». В пространным письме своему другу о. Павлу Флоренскому от 17 августа – 1 сентября 1922 года, имеющем подзаглавие Jaltica, он пишет: «Это было в одну октябрьскую бессонную ночь 1921 года в Ялте: в ночной тоске неслись мои всегдашние думы – о России, о православии, о будущем. И вдруг.. “была на мне рука Господня” – иначе я не умею этого определить и понять – налетел на меня вихрь, сердце забилося, и что-то явственно и несомненно проговорило во мне ответ: в Рим!» [7, с. 166–167]. В удалении от столиц Булгаков болезненно переживает большевистские гонения на Церковь и сложные процессы, происходящие в самом церковном организме, ведущие к появлению обновленчества и «живой церкви». Ему представляется, что централизация церковной власти в лице римского первосвященника могла бы спасти церковь от натиска враждебных ей мировых сил. Кроме того, последователь Владимира Соловьева, он как бы проходит до конца путь вслед за своим учителем, актуализируя его экуменическую, римо-католическую тему, чтобы в эмиграции окончательно попрощаться с ним. Соприкоснувшись с реальным католичеством в Праге, Булгаков принимает решение не публиковать диалоги «У стен Херсониса». Они увидят свет в католическом журнале «Символ» в 1995 году. Булгаков же напишет брошюру «Св. Петр и Иоанн. Два первоапостола» (1926), в которой, по сути, подвергнет сомнению тезис об исключительном примате апостола Петра, поставив рядом с ним «любимого ученика» Христа апостола и евангелиста Иоанна.

Теперь нам подробно известны обстоятельства высылки о. Сергия и его семьи из Крыма¹. Он оказался в числе тех интеллигентов, которых власть решила навсегда разлучить с Родиной, заменив им остракизмом неминуемую смертную казнь. В 1998 году мной был опубликован найденный в парижском архиве пражский дневник отца Сергия «Из памяти сердца», где год спустя он день за днем описывает свое трехмесячное пребывание в большевистской чеке [9]. Ему угрожали высылкой в Китай по этапу без семьи, но затем «смилоустивились» и отпустили, дав две недели на сборы. Он выехал в Константинополь на пароходе 17 (30) декабря 1922 года, навсегда оставив на Родине старшего сына Федора, который уже никогда не смог увидеть своих родителей. Федор не был выпущен из Советской России под предлогом того, что он достиг призывного возраста и может иметь свое мировоззрение, отличное от родителей. Фактически, он был оставлен в России в заложниках.

Крымский период в творчестве отца Сергия оказался переходным между философией и богословием. В его «Трагедии философии» нередко видят своего рода «прощание» с философией. Его можно рассмотреть как целостное и

¹ Материалы следственного дела С.Н. Булгакова опубликовал профессор Таврического университета С.Б. Филимонов в книге «Тайны судебно-следственных дел. Документальные очерки о жертвах политических репрессий в Крыму в 1920–1940-е годы» [11, с. 15–27].

оригинальное явление русской культуры, как одну из ярчайших страниц «крымского текста» в истории русской культуры.

Литература

1. *Бердяев Н.А.* Самопознание. М., 1990.
2. *Булгаков С.Н.* Свет Невечерний. Созерцания и умозрения. М., 1994.
3. *Булгаков С.Н.* О моих похоронах // Булгаков С.Н. Тихие думы. М., 1996.
4. С.Н. Булгаков: Религиозно-философский путь: Международная научная конференция, посвященная 130-летию со дня рождения. М.: Русский путь, 2003.
5. *Герцык Е.К.* Воспоминания. М., 1996.
6. *Леонтьев К.Н.* Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. СПб., 2000–2012.
7. Переписка священника Павла Александровича Флоренского со священником Сергеем Николаевичем Булгаковым. Томск: Водолей, 2001.
8. *Половинкин С.М.* Священник Сергей Булгаков и Крым // Крым: Историко-краеведческий альманах. М., 2004. С. 25–43.
9. Прот. Сергей Булгаков. Из памяти сердца. Прага. [Дневник 1923–1924] (публикация и комментарий А. Козырева, Н. Голубковой при участии М. Колерова) // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 1998 год / Под ред. М.А. Колерова. М.: О.Г.И., 1998. С. 112–256.
10. Сестры Герцык. Письма / Сост. Т.Н. Жуковской. М.; СПб., 2002.
11. Тайны судебно-следственных дел: Документальные очерки о жертвах политических репрессий в Крыму в 1920–1940-е годы. Симферополь: Таврия-Плюс, 2000.
12. *Хатунцев С.В.* Константин Леонтьев: Интеллектуальная биография: 1850–1874. СПб., 2007.

Аннотация. Статья включает три очерка, посвященных деятелям русской философской культуры, чьи судьбы тесно связаны с Крымом. Писатель, философ и публицист Константин Леонтьев (1831–1891) принимает участие в Крымской военной кампании 1853–1856 годов в качестве военного врача в Керчи. Он предлагает основать «учебницу естествоведения» в Никитском ботаническом саду. Николай Бердяев (1874–1948) испытывает глубокие экзистенциальные переживания, гостя в доме Евгении Герцык в Судаче в 1909 и 1910 годах. В 1914 году в том же доме оказывается идейный антагонист Бердяева Иван Ильин (1883–1954), возвращающийся на родину из Германии после начала Первой мировой войны. С местечком Олеиз под Ялтой связана творческая судьба С.Н. Булгакова (1871–1944), там он часто гостил в имении тестя. В 1909 году он теряет там трехлетнего сына Ивана. Это событие становится определяющим в жизни мыслителя. Священником приезжает в Крым Сергей Булгаков в 1918 году и создает там свои работы «Философия имени» и «Трагедия философии». В Крыму его посещают размышления о правильности историософского выбора России, он пишет диалоги «У стен Херсониса». Из Севастополя высылается он по постановлению ГПУ в 1922 году, навсегда расставаясь с Родиной.

Ключевые слова: эстетика жизни, историософия, ландшафт, интимность, свобода, дух, душевные переживания, имяславие, католицизм, большевизм.

Alexey Kozyrev, PhD, Lomomosov Moscow State University, Faculty of Philosophy, Deputy Dean; Department of History of Russian Philosophy, Associate Professor.

“At the Walls of Chersonese”: Russian Philosophy and Crimea

Abstract. The article includes three sketches dedicated to the eminent personalities of the Russian philosophical culture, whose lives were strongly connected with the Crimea. Writer, philosopher and publicist Konstantin Leontyev (1831–1891) took part in the Crimean military campaign of 1853–1856 as a medical officer in Kerch. He was the one who suggested creating «the uchebnitsa of natural sciences» in Nikitsky botanical garden. Nikolai Berdyaev (1874–1948) had deep existential experiences while visiting the house Evgenia Gertsyk in Sudak in 1909 and 1910. In 1914, Berdyaev’s ideological antagonist Ivan Ilyin (1883–1954), who was returning home from Germany after the beginning of World War I, happened to visit the same house. The town of Oleiz near Yalta is related to Sergei Bulgakov (1871–1944), who often stayed in the father-in-law manor. In 1909 Bulgakov lost his little son Ivan there. This event turned out to be the defining one in the thinker’s life. In 1918, Sergei Bulgakov comes back to the Crimea as a priest. There he wrote «The philosophy of name» and «The tragedy of philosophy». In the Crimea he thought about the correctness of a historiosophical choice of Russia, which resulted in the dialogues called “At the walls of Chersonese”. He was exiled from Sevastopol under the resolution of GPU in 1922, and never returned to homeland.

Keywords: life esthetic, historiosophy, landscape, intimacy, freedom, spirit, spiritual trials, imyaslavye (glorification of name), Catholicism, Bolshevism.